

что из этих фактических данных можно сделать вывод о существовании их причины; однако метафизика для него не в этом. Конечно, исходить из существующего — значит исходить из реального, но в нем слишком много случайного. Что касается меня, говорит Дуне Скот, то я предпочитаю выдвигать предпосылки и делать заключения на основе возможного; ведь если можно согласовать выводы, сделанные на основе акта, то нельзя согласовать выводы, сделанные на основе возможного, и это — вместо другого рассуждения: если можно согласовать последние, то сразу же установится согласие между первыми. И причина этого проста: можно делать заключения от необходимости к случайности, но не наоборот: «*et illae de actu contingentes sunt, licet satis manifestae; istae de possibili sunt necessariae*»*.

Остается установить, что Первое, которое существует, бесконечно. К этому новому выводу приводят те же пути. Первая и, следовательно, беспричинная причина в своей каузальности ничем не ограничена; значит, она бесконечна. Далее, то необходимое сущее, первое в порядке совершенства, — разумно; более того, оно есть Первое разумное сущее, следовательно — высшее разумное, которое знает все, что может быть познано. В первой интеллигенции содержится бесконечность умопостигаемого, и, следовательно, интеллект, охватывающий все их одновременно, актуально бесконечен. Наконец, о бесконечности Бога свидетельствует естественная склонность нашей воли к высшему благу, а нашего ума — к высшей истине. Наша воля не стремилась бы к высшему благу как к своей собственной цели, если бы это бесконечное благо было противоречивым или не существовало бы. Чтобы осознать эту столь очевидную тенденцию, необходимо допустить существование центра притяжения. То же самое применимо к интеллигенции. Идея бесконечного существа не только не кажется нам противоречивой, она представляется образцом умопостигаемого. Было бы совсем необычным, если бы ник-

то не заметил хотя бы малейшего противоречия в этом первом объекте мышления, тогда как наше ухо сразу же улавливает малейший диссонанс в музыке. Именно потому что идея бесконечного существа представляется нам совершенно умопостигаемой сохраняет определенную ценность аргумент св. Ансельма: она не была бы совершенно умопостигаемой, если бы не существовало вначале реального объекта, способного обосновать понимание (*intellection*). Таким образом, несомненно, что Бог, о существовании которого мы сделали вывод, есть существо бесконечное.

Это бесконечное, о чем мы можем сделать вывод, мы не можем, естественно, понять, и все, что мы о нем говорим, носит на себе явные признаки нашего бессилия. Как и св. Фома, Дуне Скот полагает относительным и малоразумительным наше знание о божественных атрибутах, но в то же время считает его лучше основанным на реальности, чем обычно думают. Это — тот пункт его доктрины, которым напрасно пренебрегают, когда сравнивают идеи Дунса Скота с идеями Декарта. Разумно сблизать этих двух философов, говоря об их очень живом ощущении бесконечности Бога. Но тогда как Декарта это привело к формальному отрицанию — порой обоснованному — всякого различия между божественными атрибутами, Дуне Скот полагал различие, допускаемое между этими атрибутами, недостаточным. Тенденция к подтверждению трансцендентности Творца относительно творения у него уравновешена и как бы противопоставлена другой тенденции, которая приводит Дунса Скота к решительному отстаиванию реальности формы. Как и все теологи средних веков, он принимал единство Бога, и как бы вследствие этого все божественные атрибуты слились в конце концов в единстве божественной сущности. Но он отмечал, что в Боге есть по крайней мере виртуальное основание для того различия, которое мы установили между его атрибутами, а именно — формальное совер-